

Идентичность в современном международном конфликте: периодизация истории конфликтов через призму «другого»

Д.В. Чернобров

Образ «другого» и роль ассоциации с идентичностью в конфликте относятся к наименее исследованным областям современной конфликтологии, уделяющей основное внимание рациональным факторам поведения. Данная статья предлагает периодизацию истории развития и эволюции «другого» в международных конфликтах и тем самым основывается на историко-конструктивистском теоретическом подходе. С распространения социально-политического мышления в категориях «своего» и «другого», через технологический и информационный переход от традиционных к «новым» и асимметричным конфликтам и антитеррористическим операциям образ «другого» выполнял разные функции в конфликте. Основываясь на исторических примерах, данная статья восстанавливает эволюцию «другого» и совмещает ее с изменением социально-политических и конфликтных реалий.

Традиционный российский и зарубежный исторический подход к анализу конфликтов, как правило, рассматривает природу международного конфликта как целенаправленное политическое насилие, подчиненное национальным, элитарным, экономическим или геополитическим интересам. При этом форма насилия задается техническим прогрессом и доминирующей системой международных отношений. Обеспечивая полезный инструментарий при анализе контекстных исторических решений, такой подход тем не менее неизбежно закладывает в основу типологии конфликта крупные вспышки международного насилия (мировые войны, холодная война и т.д.), в то время как региональным или неполитическим аспектам уделяется

недостаточное внимание. Образ «другого» и вопросы нерационального взаимного восприятия сторон, влияющего на конфликтный потенциал, относятся к областям конфликтологии, наименее исследованным современной историографией. В предыдущей статье данного цикла¹ был представлен историко-конструктивистский подход, а также социально-политический срез эволюции «другого». В данной статье будет предложен проект исторической периодизации эволюции образа «другого», отношения к нему и роли идентичности в конфликте. Развивая тенденции, отмеченные ранее среди социально-политических процессов усложнения образа «другого», исторический обзор конфликта совмещает выводы социально-политической эволюции с истори-

Чернобров Дмитрий Витальевич – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: dmitry.chernobrov@gmail.com

ческой типологией конфликтов и иллюстрирует изменение «другого» на примере российских, европейских и мировых событий.

Основным критерием оценки конфликтов в предложенной исторической периодизации являются наличие четко развитого образа «другого» и важная роль, которую этот образ играет в целях мотивации и консолидации конфликтующих сторон. Изменение роли «другого» и отношения к нему будет соотнесено по времени с изменением типа и характера конфликта, и его общественных составляющих в историческом контексте смены типов конфликта. Анализ основан на исторических свидетельствах конфликтов и имеющихся на настоящий момент обобщенных характеристиках «другого» в современных событиях (например, образ «другого» в «арабской весне», прослеживающийся в основных российских и европейских СМИ).

В предлагаемой периодизации выделены несколько исторических этапов конфликтов, которые характеризуются относительно равномерной сменой, а также две отдельные категории конфликта, отличительные свойства которых в отношении образа «другого» прослеживаются длительное время, в связи с чем невозможна периодизация внутри данных категорий по выбранному критерию (роль и отношение к «другому»). В основном данная периодизация берет за основу европейские и колониальные войны и тем самым предлагает западноцентричный вариант рассмотрения «другого» в конфликте.

Появление «другого» как категории конфликта

Данный период охватывает конфликты от складывания государственного самосознания до начала XX в. Такая формулировка не отрицает возможности присутствия в той или иной форме «другого» («чужого», обобщенного образа противника) в конфликтах любого времени. Тем не менее под «появлением» «другого» подразумевается осознание «своих» и «других» как категорий общественно-политического мышления. Со сращиванием идентичности с границами централизованного национального государства² или религиозной общности (но при отсутствии близкого контакта и информации) «свой» и «другой» начинают приобретать большее постоянство, могут проецироваться на внеконфликтный период и совпадать с признаками национальности или религии.

Отличительными чертами данного периода являются ведение «традиционных» войн (терминология, принятая в рамках теории «новых войн») между регулярными государственными армиями, героизация конфликтов в отсутствии доступных и распространенных информационных средств и демонизация «другого» в военных целях. Для всех конфликтов этого типа до начала XX в. свойственно наличие противоположного «другого», воплощающего негативные черты и несущего ответственность за конфликт (признаки агрессии). Традиционные межгосударственные конфликты в отсутствии близкого контакта и информации

о «другом» составляют начальный этап как исторической периодизации, так и зависимости идентичностей и отношения к «другому» от системы координат «власть–общество».

Рассмотрим в качестве примера конфликта данного периода Крымскую войну 1853–1856 гг. Здесь образ «другого» становится прообразом распространённого в XX в. представления о функциях и необходимости «образа врага»³. Образ Турции, унаследованный от предыдущих Русско-турецких войн, является примером разграничения идентичности по религиозному признаку. Он становится «образом врага», особенно в свете принятой во времена Николая II теории официальной народности (1833 г.), предусматривающей идентично образующую роль православия. Отношение к Западу и участвовавшим в войне европейским странам во многом являлось не только прямым результатом самого вооруженного конфликта, но и последствием зарождающегося антагонизма «западников» и «славянофилов» в предыдущей, Отечественной войне 1812 г.

При этом образ «другого», как врага, формировался как через антизападные настроения значительной части русского высшего общества, так и через официальные документы⁴. В Крымской войне присутствуют черты, характерные для традиционного конфликта с отсутствием достаточной информации: этнический (англичане, французы) и религиозно-чуждый (турки) образ «другого», по-прежнему использующий внешние, поверхностные отличия.

Приближение к «другому» (период между двумя мировыми войнами)

Первая мировая война ознаменовалась новым уровнем информационного освещения конфликтов и тем самым дала толчок эволюции «другого», изменив отношение к самому конфликту и усложнив функции и формирование «другого». Одной из основных тенденций становится приближение к «другому» благодаря информационной революции и вовлечению в конфликт большинства европейских стран, имевших тесные связи и представления друг о друге. В результате намечается два параллельных процесса.

С одной стороны, «другой» становится понятней: вместо этнически-религиозного образа, негативность которого не ставится под сомнение, «другой» признается равным политическим субъектом, при этом колоссальный размах и информационное отображение насилия приводит к размежеванию «другого»-военного (вооруженные силы) и «другого»-гражданского, заслуживающего определенного уровня прав и гарантий безопасности. Эти процессы приводят к принятию стандарта поведения по отношению к «другому» в период конфликта – международных правовых норм и конвенций. Среди них особо стоит отметить ряд Женевских конвенций: 1929 г. (Об обращении с военнопленными), 1949 г. (О защите жертв войны: включая обращение с военнопленными и защиту гражданского населения), 1951 г. (О статусе бежен-

цев). Таким образом, изменившееся отношение к «другому» подразумевает определенное равенство с «другим» и механизмы защиты.

С другой стороны, демонизируется образ самой войны, беспрецедентной по размаху насилия и масштабам разрушений. Вина за войну по-прежнему возлагается полностью на «другого», и этнический язык также играет значительную роль в описании противника (национальная принадлежность – «немец», «русский», «австриец» и т.д.).

Однако уже во время Второй мировой войны наблюдается идеологизация «другого». Этническая и религиозная сложность участников конфликта значительно снизила «внешнюю» составляющую образа «другого». Примером (с точки зрения советского «своего», который также во многом становится идентичностью со значительной идеологической составляющей) может служить включение в образ «другого» ряда националистических движений Украины, выступивших против советской власти, а также института «полицаев» из местного населения. Следовательно, «другим» можно стать не по предопределенным религиозно-этническим или иным внешним качествам, а в результате политико-идеологического предательства «своего». Одновременно, с развитием информационной составляющей, такое предательство помещается в общеконфликтный контекст и обобщается в качестве тенденции, тем самым играя не единичную, а значительную роль в образе «другого».

Доминирование над «другим» (вторая половина XX в.)

Основной причиной выделения второй половины XX в. в отдельный период является распространение новых и асимметричных войн. Предложенная Мэри Кэлдор (Mary Kaldor) концепция новых войн предполагает три «новых» элемента современных конфликтов: смещение доминирующего актора конфликта от государства к негосударственным группам; изменение тактики ведения конфликта (конфликты «низкой интенсивности» с высоким тактическим элементом: повстанческие, террористические, антитеррористические операции), а также возросшая роль идентичности в идеологии конфликта. Теория допускала возможность параллельного существования «новых» и «старых» конфликтов, что свидетельствует о совмещении исторической и тактической классификации в данном теоретическом подходе.

Несмотря на то что конфликты второй половины XX в. не всегда являлись «новыми» или асимметричными, тенденция к асимметричности войн становится все сильнее к началу XXI в., с развитием теории демократического мира и сокращением числа прямых (и технологически равных) военных конфликтов между развитыми странами. Все с большей степенью ясности обозначается тенденция зависимости эволюции образа «другого» от изменения или возникновения нового типа конфликта, временные рамки которого обусловлены динамикой мирового технологического, социаль-

но-политического и информационного развития. Мировые войны, ставшие апофеозом традиционного межгосударственного типа конфликта, уступили место конфликтам «третьего мира» или с «третьим миром».

Осознание полного технологического доминирования (операция «Буря в пустыне» в 1991 г.) или возможности ведения удаленной войны, сводящей к минимуму (бомбардировки Вьетнама) или вообще не предусматривающей наземный контакт (Югославия/Косово), по свидетельствам участников конфликтов, лишь подкрепляло присутствовавшее и в предыдущих периодах ощущение превосходства над «другим». Конфликты Запада с «третьим миром», будучи межкультурными и межкультурными (по сравнению с конфликтами внутри самого Запада), продемонстрировали беспрецедентный всплеск этнической ненависти (hatespeech). Этнорелигиозная составляющая и демонизация «другого» снова стали ключевыми характеристиками «другого» в данной категории конфликтов, в то время как военное и технологическое превосходство вновь способствовали нарушению равенства с «другим».

«Свой» (известный) «другой» (начало XXI в.)

Представляя собой один из вариантов асимметричной «новой» войны, антитеррористические операции начала XXI в. тем не менее заслуживают выделения в особую категорию из-за принципиально иной функции образа «другого». Не будучи новым типом конфликта, антитеррористические операции становятся новым лицом «справедливой войны» (just war theory) в настоящее время и за последнее десятилетие стали доминирующим видом асимметричных конфликтов. Таким образом, наблюдается временное совмещение двух периодов/категорий войн в эволюции образа «другого» (как «новые» войны, так и антитеррористические операции относятся к конфликтам современности) и динамика перехода ко все большему количеству антитеррористических операций или, что наиболее важно, – к отображению современных конфликтов в рамках противостояния с угрожающим террористическим «другим».

В данном типе конфликтов особое значение приобретает взаимосвязь между политическим понятием «терроризм» и представлениями о справедливом конфликте: антитеррористический конфликт отвечает критериям теории справедливых войн и, как правило, получает санкцию в Совете Безопасности ООН и одобрение домашней аудитории западных демократических государств. Образ «другого» становится как оправданием, так и причиной конфликта. Политизация же этого образа и применение ярлыка «терроризм» в политической риторике к целому ряду не только террористических по своим методам, но и антизападных по своей направленности движений (необязательно являющихся террористическими по своей сути) означает появление принципиально новой функции «другого» – основополагающей роли в конфликте. Присутствие этого образа напрямую обуславли-

вае появление и санкцию на конфликт. Примером использования террористического ярлыка может служить поддерживаемое американскими и британскими СМИ накануне Иракской войны предположение о тесных связях Саддама Хусейна с «Аль-Каидой» и о террористической угрозе, исходящей от диктаторского режима в Ираке. Вместе с данными о наличии в Ираке ОМП (впоследствии эти данные были признаны несостоятельными), образ «другого», близкого к терроризму или на прямую поддерживающего терроризм, стал одним из механизмов консолидации западного «своего» и развязывания конфликта.

В связи с ключевым политическим значением образа «другого» в данном типе конфликтов особую важность приобретает возможность управления представлениями о «другом». Существенно возрастает информационная составляющая конфликта: с появлением асимметричных войн и антитеррористических операций усиливаются элементы так называемых «информационных войн». Однако ключевым отличием от предыдущих периодов и типов конфликтов становится не столько функция «другого», сколько отношение к нему. С применением антитеррористической риторики и переходом конфликтов из привычной военной плоскости (традиционная или «новая» война) в режим отдельных операций или вмешательств (контртеррористическая операция) появляется как новый тип конфликта (counterinsurgency), так и новый противник.

В 2000-х гг. четко наметилась тенденция к криминализации (террористического) «другого». «Другой» лишается права на легитимную противоположность: если раньше «другой» мог быть просто другим, т.е. отличным от «своего» (и, будучи равным политическим субъектом, имел на это право), то террористический «другой» приравнивается к преступному «своему» (образ собственной преступности, которая должна наказываться). Параллель закрепляется, так как криминализируемый «другой» использует запрещенные методы и тактику, не обладает политической или социальной легитимностью, существует в форме подпольных организаций и получает нелегальное финансирование, обладая широкими связями с теневыми денежными потоками (наркотики, рынок оружия и т.п.). Отношение к «другому» аналогично отношению к преступному «своему», который законно может и должен быть наказан или уничтожен. Отсюда – заявления о неприменимости к контртеррористическим операциям традиционных норм ведения войны и отношения к военнопленным (пример – уничтожение Усамы бен Ладена в мае 2011 г.) и передача значительной части функций в конфликте от армейских подразделений к полиции (создание и обучение местной полиции в Ираке и Афганистане на завершающих стадиях конфликта).

Относительная универсализация западных демократических ценностей и модели управления после завершения холодной войны обусловили восприятие невозможности и неправильности иных форм социально-политического развития.

В результате криминализации подвергается не только террористический «другой», но и «другой», преследующий иные (незападные) цели развития. Так, в грузино-южноосетинском конфликте 2008 г. образ действий России в западных СМИ криминализировался и изображался как нарушение международных норм и прав человека. Политические цели Ирана, Венесуэлы, Кубы, которые могут быть легитимны и пользоваться поддержкой внутри этих государств, воспринимаются как нарушение общепринятого мирового направления развития.

После завершения холодной войны и особенно в начале 2000-х гг. с усилением агрессивной направленности политики США при президентстве Дж. Буша-младшего возрастает изображение неправильности «другого» в конфликтах как «преступления» перед самим «другим» (например, режим Саддама Хусейна – в первую очередь как преступление перед иракским народом). Именно тенденция к криминализации «другого» на данном этапе конфликтов позволяет отнести к этой категории и миротворческие операции. Несмотря на отсутствие образа террористического «другого», отношение к «другому» остается схожим: происходит криминализация всплеск насилия в контролируемой миротворцами зоне (агрессивный «другой» становится нарушителем порядка, международных норм и тем самым проявляет активность, схожую с криминальной). Через криминализацию «другого» достигаются цели, ранее преследуемые демонизацией (облегчение уничтожения «другого»), а также утверждается и легитимируется новая система превосходства: «другой», как и в предыдущих отношениях неравенства, оказывается подчиненным, подсудным «своему».

Гражданские войны, революции (смена власти)

До настоящего момента предлагаемая историческая периодизация рассматривала временные границы эволюции образа «другого» в конфликтах, которые, помимо исторической динамики и поэтапной смены, также испытывали влияние иных общественно-политических факторов. Последующие две секции выделяют две особые категории конфликта с позиции эволюции «другого»: гражданские войны и революции, а также постколониальные конфликты. Специфика данных категорий заключается, с одной стороны, в значительном временном разбросе конфликтов (что усложняет выделение четких границ периода) и с другой – в параллельном совмещении с конфликтами других периодов без их поэтапного замещения.

Тем не менее обе категории сохраняют определенные временные рамки, хотя и более широкие, чем периоды, рассмотренные нами ранее. Гражданские войны и революции, появившиеся вместе с централизованным государством и ставшие возможными благодаря определенному уровню развития институтов общества и гражданского самосознания, в информационную эру часто совпадают по времени, создавая «волно-

вую» историческую динамику. Объяснением этому явлению может служить не только усиление информационных и глобализационных тенденций, но и геополитические и идеологические факторы. За последнее столетие наблюдались относительно компактные по своему временному разбросу социалистические революции (рубеж I–II четверти XX в.), постколониальные войны (подразделяющиеся на волну войн за независимость в 1940–1970-х гг. и на последующие конфликты между новообразованными государствами на рубеже III–IV четверти XX в.), «цветные» революции на постсоветском пространстве (начало 2000-х гг.) и события «арабской весны» (2010–2013 гг.).

Причиной выделения гражданских войн и революций, а также постколониальных конфликтов (часто также имеющих ряд признаков гражданской войны) в две отдельные категории являются различия в процессах изменения границ идентичностей и, как следствие, взаимоотношений «своего» и «другого». В числе отличительных особенностей гражданских войн и революций прежде всего стоит выделить направление развития идентичности: «другой» является не «чужим», с которым происходит враждебный контакт, а бывшим «своим». Линия разлома «своей» идентичности на нового «своего» и противостоящего ей «другого» может проходить по целому ряду отличий: идеологических, политических, классово-социальных и т.д.

Целью гражданской войны становится лишение «другого» способности бросить политический вызов «своему». Происходит подавление «другого» в государственном пространстве «своего». Так, например, поддержка Каддафи или выражение взглядов, оправдывающих его режим, после свержения правящего в Ливии режима в ходе революции и гражданской войны 2011–2012 гг. влечет за собой уголовное преследование. Вскоре после революции последовал ряд заявлений российского и европейских правительств о недопустимости «сведения счетов» с гражданским населением⁵, ранее поддерживавшим Каддафи. Протест Международного уголовного суда (МУС) в Гааге в 2011 г. в связи с отказом новых ливийских властей выдать старшего сына Муамара Каддафи Сейфа-аль-Ислама и проведением судебного процесса в самой Ливии продемонстрировали опасения несправедливого разбирательства.

Тем самым образ «другого» в гражданских войнах и революциях демонстрирует значительную степень ожесточения и взаимоисключения, а также повышенную эмоциональность взаимоотношений «своего» и «другого» из-за непосредственной близости конфликта⁶. Одновременно наблюдается повышенная агрессивность обеих идентичностей: каждый «свой» защищает целостность собственной группы и проецирует негативные черты и вину за конфликт на «другого»⁷.

Постколониальные конфликты и войны за независимость (реструктуризация идентичности)

В отличие от гражданских войн и революций, когда возникает временный раскол «своего» на две группы, постколониальные конфликты и войны за независимость подразумевают еще предшествующее конфликту наличие «своего» и «другого» в виде колонизатора (метрополии) и колонизированной (зависимой) группы. Основным отличием становится иной уровень существования и отношений идентичностей, чем в предыдущих примерах. «Другой» в таких конфликтах принципиально важен для существования и самоопределения «своего»: «Свой понимает, кто он, от осознания того, кто «не-свой»⁸. «Не-британскость» становится образующим элементом новой американской идентичности во время войны за независимость США (1775–1783 гг.), в то время как элементы европейской культуры или общественного устройства подвергаются пересмотру и (в некоторых случаях) уничтожению в постколониальных конфликтах в Африке и Индокитае. Таким образом, роль образа «другого» в конфликте – определение границ «своего» и полная противоположность новой «своей» идентичности.

Заключение

Историческая периодизация эволюции образа «другого» в конфликтах подразумевает сложность и взаимосвязанность целого ряда факторов исторической и общественно-политической направленности. Среди основных:

- изменение характера конфликтов и информационной осведомленности;
- динамика отношений превосходства и криминализация «другого»;
- смещение составляющих образа «другого» от внешних признаков к идеологическим и политическим.

Однако предложенная периодизация имеет и ряд ограничений. Она представляет в основном западноцентричный подход к конфликту. При описании идентичностей в данной статье за «своего», как правило, принят взгляд российской, европейской или американской стороны конфликта, и тем самым наблюдается изменение образа противостоящего (колониального, азиатского, террористического и т.д.) «другого», с точки зрения Запада. Данная периодизация отражает прежде всего влияние западных общественно-политических процессов на конфликт и на представления о незападном «другом».

Любая попытка периодизации эволюции образа «другого» в конфликтах неизбежно будет основываться на обобщенных представлениях и тенденциях. Так, внутренний конфликт в Руанде, который привел к геноциду и гибели сотен тысяч жителей (в основном тутси) в 1994 г., можно отнести как к категории «гражданских войн» и рассматривать в динамике борьбы хуту и тутси за власть, так и к постколониальным

конфликтам (наследие колониального этнического разделения). Однако с точки зрения образа «другого», помимо типичной для этой категории конфликта повышенной агрессии и близости насилия, наблюдаются крайние представления об этническом доминировании и демонизация образования идентичности: «другой» не выделяется из «своего», а существуют параллельно еще до открытой фазы конфликта (унаследованные с колониальных времен этнические группы). С позиций западного «своего» можно отметить элементы криминализации хулы в геноциде. Периоды и категории конфликтов отражают динамику в целом, но в некоторых конфликтах может наблюдаться совмещение элементов разных периодов и категорий, подчеркивающее наличие дополнительного уровня в характере конфликта – роли идентичности. Предложенная в данной статье периодизация может использоваться для лучшего понимания функций «своего» и «друго-

го» и взаимосвязи построения идентичности с историческим изменением характера конфликта.

Chernobrov D.V. Identity in contemporary international conflict: typology of the history of conflicts through the prism of an Other.

Summary: The problem of an Other and association with an identity in conflict are among the least explored areas of contemporary conflict studies which tends to regard conflict behaviour as rational. This article suggests several periods in the development and evolution of conflict depending on the role and function of the Other, thus adopting a historical-constructivist approach. From the spread of social application of self-other categories to conflict, to the technological and informational transition from traditional to 'new' and asymmetrical wars and counter-insurgency warfare, the Other changed form, function, and role in conflict. Supporting the argument with historical evidence, this article reconstructs the evolution of the Other and situates it in the context of social, political, and conflict-evolving realities.

Ключевые слова

История конфликтов, идентичность, конфликт, периодизация, образ «другого», проблема «другого».

Keywords

Identity, conflict, typology, self and other, constructivism, perception.

Примечания

1. Данная статья является третьей в цикле, посвященном образу «другого» в конфликте и его истории. Предыдущие две: Чернобров Д.В. Информационное изменение образа «другого» в разрешении международных конфликтов, Вестник. №5 (20) 2011, а также Чернобров Д.В. Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход. Вестник. №6 (27). 2012.
2. Таким образом, в значительной степени образ «другого» претерпевает эволюцию уже в Вестфальской системе международных отношений, предусматривающей наличие суверенных государств.
3. Дукельский В., Юренева Т. К истории «образа врага» в новой России. М., 1998.
4. Тарле Е.В. Крымская война. М., 1941. С. 23.
5. Пример подобной официальной позиции – заявления МИД РФ, Великобритании и США о недопустимости расправы над жителями ливийского города Сирта после взятия его ПНС в начале октября 2011 года, а также аналогичное заявление Специального советника Генерального секретаря ООН по постконфликтному планированию в Ливии Иана Мартина от 7 октября 2011 года (источник – ИТАР-ТАСС, 7 октября 2011).
6. Как показали исследования последних лет, глубина эмоционального восприятия конфликта напрямую зависит от близости или удаленности конфликта: чем ближе конфликт, тем более вероятен личный опыт этого конфликта. Напротив, удаленный конфликт не оказывает подобного психологического эффекта и воспринимается в основном через СМИ.
7. Подробно процесс негативной проекции на «другого» с целью защиты чистоты и целостности «своего» проанализирован Юлией Кристевой (Julia Kristeva) в работе Powers of horror: an essay on abjection. New York: Columbia University Press.
8. Todorov T. The Conquest of America: the Question of the Other. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1999, P. 254.